

Павел Брычков

Победитель

*Стану просить иль приказывать строго, чтоб сняли с меня вы
Узы, – двойными скрутите мне узами руки и ноги.
Гомер, «Одиссея»*

Пьяный мужик в тельняшке с длинными рукавами и семейных трусах, широко растягивая меха, лихо наяривал на гармошке и пел частушки, притопывая босыми пятками по горячему асфальту: «Мой миленок демократ нынче сам себе не рад. Он не рад, и я не рада, не отдамся дерьмокраду!..»

Виктор с тоской узнал в мужике себя. Самое ужасное, что трусы были семейные в легкомысленную ромашку. А вокруг него толпа митингующих с красными флагами. Они образовали вокруг него круг и посмеивались, отвлекаясь от оратора. На возвышении у памятника вождю главный идеолог коммунистов в очках и глубоких залысинах клеймил режим Ельцина. Вдруг он прервал свою речь и громко приказал в микрофон: «Уберите провокатора!». Гармонист обиделся на «провокатора» и запел: «Мой миленок коммунист, не плечист, зато речист. Он речист, я голосиста и влюбилась в гармониста»...

К нему подбежали мужики с красными повязками.

– Пошел отсюда, пьянь!

– Уходи, уходи!..

– У нас демократия! Только и умеете рот затыкать да языком трясти! Отдали страну, а теперь плачете...

– Катись, катись! Из-за таких, как ты, Россия и валится!

Появились два милиционера. Они заломили упирающемуся мужику за спину руки, надели наручники и повели под многочисленными любопытствующими взглядами к стоявшему неподалеку «уазику».

Виктору вдруг стало страшно стыдно за свои голые ноги и за дурацкие трусы. Так же стыдно, как однажды в детстве, когда отец снял с него штаны и порол во дворе дома при одноклассниках за украденные у него сигареты.

«Это же во сне», – догадался Виктор, испытывая облегчение. Однако тут же понял, что давно не спит. И все, что он увидел, было наяву, и он так же явственно вспомнил, что было дальше.

В отделении милиции дежурный капитан устало спросил доставивших его сотрудников:

– Ну а это что за артист из погорелого театра?

– Артист и есть, – хохотнул сержант, ставя на стол гармонь Виктора. – На митинге выступал в песенном жанре. Куда его?

– Туда же, куда и всех таких, в вырезвитель. Пусть там попойет...

– Товарищ капитан, разрешите обратиться! – вытянул руки по швам Виктор.

– Ну?

– Довожу до вашего сведения, что я, матрос речного флота, Виктор Иванов, нахожусь в отпуске и в настоящий момент в трезвом здравии и уме!

– В трезвом уме без штанов по городу не бегают! Сейчас оформим протокол и отправим отдыхать

– Я докажу, что трезвый, снимите наручники...

– На руках что ли пройдешься? – усмехнулся капитан и приказал снять наручники.

– Пройтись не смогу, а вот отжаться – пожалуйста! Сколько угодно!

– Во спиртсмен дает! – хохотнул сержант.

– Ладно, – предвкушая зрелище, сказал капитан, – видишь гирю. – Один раз выжмешь, отпустим. Да еще приз получишь в придачу, – поднял он двумя пальцами наручники.

– Двухпудовка? Ладно. Если выжму, отвезете домой. В трусах-то оно не с руки.

Виктор, пошатываясь, подошел к гире, уперся ладонью в рукоять, обвил ее пальцами и рывком закинул гирию к плечу и выжал ее. Капитан удивленно вскинул брови, не ожидая такого от невзрачного на вид алкаша. А тот выжал гирию второй, третий раз. Затем, багровея от натуги, с трудом еще два раза и опустил двухпудовку на пол.

– Ну ты даешь! – изумился капитан.

Тяжело дыша, Виктор сказал:

– Пятнадцать лет назад кидал, как игрушку. Победителем на спартакиадах бывал не раз.

– Да-а, – протянул задумчиво капитан, – а что ж на митинги без штанов ходишь?

– На митинги совсем не хожу... Перебрал.

– Ладно, держи свой приз да больше сюда не попадайся. Сержант, отвезите его домой.

Виктор встал с кровати, прошел на кухню, напился из крана холодной воды. Заглянул в холодильник: нет ли чего опохмелиться. Да откуда взяться! Вот они пустые две бутылки после вчерашнего стоят. Как же он отключился? Раньше после литра водки такого с ним не бывало. Опять вспомнилось, как он плясал в трусах на митинге, и волна стыда ударила в лицо.

– Че ж ты меня не одетого-то вчера отпустила, – с укором сказал он возившейся у плиты жене.

– Я еще и виновата! Бесстыжие твои глаза. Ведь дети взрослые. Залиться ты ей не можешь! Хоть бы соседей постыдился!

– А че, они видели, что ли?

– Да кто тебя не видел, весь дом видел! Как начальника, на казенной машине подвезли!..

– Ладно, мать, все, завязываю я с этим навсегда.

– Да знаю я твои завязки! Сейчас будешь на чекушку клянчить, горбатого могила исправит!..

Жена была права. Опохмелиться страшно хотелось. Вообще-то Виктор себя алкашом не считал. Знал: надо лишь перетерпеть дня три, а потом он мог не пить неделями. Правда, в последний год стало труднее останавливаться. На работе за прогулы коситься стали. Только лучше его дизеля судовые кто знает! А ведь до двадцати лет вообще в рот не брал. А потом – гармошка. Свадьбы, застолья... Попробуй откажись. Еще любил он прихвастнуть здоровьем: выпить по три стакана кряду, как Андрей Соколов в «Судьбе человека». Мы, мол, русские после первого и второго стакана не закусываем!.. Интересно, сколько русских этот фильм алкашами сделал!..

– Все, мать, сказал же, все!

– Да сейчас побежишь собутыльников искать! Только денег нету, сразу говорю!..

Виктор взял лежавшие рядом с гармонью наручники, сомкнул одно кольцо на левом запястье, второе на трубе-стояке, подходившей к отопительной батарее.

– Вот тебе, Катя, ключ от наручников. Пока пять дней не пройдет, – не отстегивай меня. Поняла? Что б я тебе ни говорил, чего бы ни делал – не давай мне ключа, поняла! Ну, чего столбом встала! Поняла?

– А как же ты... – растерянно пробормотала Катерина.

– Ведро с водой поставишь... Еду на табуретку рядом с кроватью... Только ключ не отдавай!

Спинка кровати как раз была рядом со стояком. И при желании можно было и лежать, и стоять. Виктор присел на кровать, кинул подушку к стене и откинулся на нее спиной. Но сидеть с вытянутой левой рукой было неудобно. Он встал и крикнул жене, которая ушла на кухню:

– Кать, сделай морса!

Жена развела в стакане холодной воды ложку смородинового варенья и принесла Виктору.

– Пересластила! – попробовав, сказал Виктор. – Сделай другой!

Жена принесла чуть закрасенной воды и поставила на табуретку.

– Морс и то сделать не можешь, – разозлился Виктор, попробовав, и выплеснул морс в ведро.

– Да не морса ты хочешь! Терпи давай!..

Виктор заматерился, дернулся, чтобы пойти на кухню, но, вскрикнув от боли в левом запястье, упал на кровать. Попросил жену принести простой воды. Выпил полстакана. Но не полегчало. Какая-то невидимая сила, казалось, стягивала все клетки его тела в одну горячую сосущую нутро точку. Металлическое кольцо на запястье вдруг страшно стало раздражать. Так, что захотелось немедленно его снять.

– Катя, слышь, дай ключ. В туалет схожу.

– Вон ведро... Стесняешься, так я выйду.

– Ладно, Кать, смешно ведь: как пес на цепи! Я ведь тебе слово дал, что не буду, значит, не буду! Давай ключ!

– Сам говорил, чтоб не отдавала.

– Да, говорю, пошутил я! Отстегни.

– Сиди уж, а то опять побежишь искать опохмелку.

– Ладно, черт с тобой. Принеси что-нибудь поесть.

Катерина разогрела жареной картошки и принесла в тарелке. Когда она ставила ее на табуретку, Виктор обхватил неожиданно жену за талию правой рукой и залез в карман халата, куда она положила ключ от наручников.

– Да нету, нету ключа, в другой комнате оставила!

Виктор смахнул тарелку на пол и заорал:

– Неси ключ, сука, убью!

– Че, слаба кишка! – разозлилась жена. – Вот и посиди! А я на дачу до вечера поеду, чтоб не слышать твой поганый язык!

Катерина поставила ему литровую банку с водой и ушла.

Он прилег на кровать. Лежать можно было только на левом боку или на спине. Хотел подремать, но неожиданно вскочил от навалившегося вдруг невесть откуда жуткого животного страха. Лоб покрылся испариной, ладони стали мокрыми. Его вдруг заколотило, как в ознобе, и он закричал:

– Катя, вызови «скорую»!

Сообразив, что сморозил глупость, он пробормотал всплывшую фразу из детской книжки, которую он читал когда-то маленькой дочке:

– Зайчик думает: постой, я ведь тоже непростой!

Он вспомнил, что испытал подобный страх в юности, когда чуть не утонул в Иртыше. Он переплывал реку туда и обратно без останова. И однажды, когда до берега оставалось метров тридцать, он почувствовал, что с ним что-то неладное: перед глазами все закачалось, сердце часто-часто заколотилось... Он перевернулся на спину, собрал всю волю в кулак, прогоняя страх, и, подгребая одними кистями, кое-как добрался до берега.

Вот и сейчас он старался прогнать страх и понять его причину. И его осенило: причиной всему проклятые наручники. Он умрет здесь один, прикованный. Тело его начнет разлагаться, и останется только скелет. Он вдруг с ужасом заметил, как пальцы на правой руке стали таять с кончиков, как в дурном американском боевике. Он сильно потрянул рукой и облегченно вздохнул: пальцы были на месте.

– Зайчик думает: постой, я ведь тоже непростой!

Он, подвигая кольцо наручника вверх по стояку, встал на кровать, снял репродукцию «Девятого вала» и вцепился пальцами в шляпку гвоздя, на котором она висела. Долго возился, обломал все ногти, но гвоздь не давался. «Плоскогубцы бы», – подумал он и, догадавшись, потянулся к гвоздю зубами, но не достал. Поставил на кровать табуретку, взгромоздился на нее и с трудом зацепил шляпку гвоздя зубами. Осторожно расшатал гвоздь и потянул, упираясь в стену правой рукой. Гвоздь с трудом подался, потом неожиданно выскочил из стены. Виктор упал с табуретки и больно ударился о спинку кровати. Не обращая внимания на боль, схватил гвоздь и стал открывать им наручники. Но гвоздь не входил в скважину для ключа. Виктор в сердцах отбросил его в сторону и тут же пожалел: можно было попробовать о батарею сточить.

Вновь навалился жуткий страх. Трясущимися руками он обхватил банку с водой и, кляца о край зубами, выпил полбанки и лег на спину, уставившись в потолок. Он пролежал так в полузабытьи с периодически накатывавшими волнами страха до прихода жены.

– Все, кажется, Катя... Вызови «скорую», плохо мне...

– Что с тобой?

– Ломает всего, в пот кидает...

– Ничего с тобой не будет! Наркоманов тоже ломает, а водка, между прочим, тоже наркотик считается во всех странах, кроме нашей!

Виктор, стиснув зубы, замычал, потом закрыл лицо ладонью и крикнул:

– Как я только с тобой двадцать лет прожил! Сдохну – обрадуешься! Дай ключ, как человека прошу!

– Есть хочешь?

– Пошла ты со своей едой!

Всю ночь Виктор не мог заснуть. Хотя и мыслей никаких не было, которые обычно мешают заснуть, и веки тяжело слипались, а все не спалось. Забылся под утро, а тут жена проснулась. Ему казалось, что она нарочно громко гремит посудой на кухне, чтоб разбудить его.

– Дашь поспать, нет! – крикнул он.

Жена не ответила. Поставила глазунью и салат из помидоров на табуретку и сказала, что идет на работу. Работала она уборщицей в частной стоматологической клинике, что расположилась прямо у них во дворе в бывшем детском саду, а еще три года назад работала в бюро научной информации и патентов в КБ. Когда деньги совсем перестали платить, перешла уборщицей. Жить-то надо. А и у них на судоремонтном зарплатой не баловали. Он знал, что она часа через два вернется, но и эти два часа ждать не было сил. Как можно спокойнее он сказал:

– Катюша, я в норме. Принеси ключ.

Жена хмыкнула, ничего не сказала и ушла.

Он вскочил, вцепился в кольцо наручника правой рукой и изо всех сил стал яростно дергать его в надежде сломать так, что труба заметно прогилась, а с потолка посыпалась шпатлевка. Минуты через две, тяжело дыша, опустился на колени и зарыдал, уткнувшись лбом в стену.

Каждая клеточка его тела жаждала освобождения. К приходу жены у него созрел план. Он разбил банку и взял треугольный осколок с частью горловины. Едва жена переступила за порог, закричал:

– Неси ключ или руку отрежу!

– Че, совсем рехнулся? Белая горячка началась? Режь, давай режь! Кому ты на заводе без руки-то будешь нужен!..

Виктор зло сверкнул глазами и всадил осколок с наружной стороны запястья. Взвыл от боли и отбросил стекло. Катерина запричитала, нашла бинт и перевязала руку.

Боль оттеснила сосущую изнутри тягу, загнала ее куда-то внутрь, и, хотя скованность во всем теле еще осталась, он успокоился и ночь проспал нормально.

Утром, проснувшись, он стал разминать затекшую левую руку, глянул на подоконник и обмер. Отбрасывая тень от восходящего солнца, по подоконнику ходил мужик в тельняшке ростом со стакан, играл на гармошке и пел частушки. Виктор подумал, что на этот раз он все-таки спит. Но нет: он сидит на кровати, болит порезанная левая рука, жена гремит посудой на кухне... Ему стало опять страшно.

Внезапно проснулась ненависть к человечку. Он изо всех сил ударил его сверху вниз. Но человек неуловимо отскочил в сторону, и кулак опустился на подоконник. Мужичок показал ему язык и заплясал, топая босыми пятками по подоконнику. Виктор попробовал смахнуть его ладонью, но тот оказался у него на руке, сел на большой палец и растянул меха гармошки. Виктор попробовал стряхнуть его, но мужичок в тельняшке будто приклеился. Тогда Виктор ударил кулаком по стеклу, мужичок взвизгнул и полетел вслед за обломками стекла с пятого

этажа. И в ту же секунду Виктор почувствовал, как тяжесть во всем теле исчезла, и он в недоумении уставился на разбитое окно.

– Витя, Витя, ты что! – запричитала вбежавшая в комнату жена. – Ведь вторую руку изуродовал!

– Чепуха, поцарапал только, – улыбнулся Виктор.

– Ладно, забери ты к черту свой ключ, а то еще горло себе перережешь!

– Не надо! Всего два дня осталось. Я слово свое держу!

Сейчас он был уверен, что выдержит и победит.

2000